

УДК 343.9
ББК 67.511

И. Х. Касаев, К. И. Богомолова

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН)

В современной России изучение региональной преступности является важным атрибутом криминологических исследований. Это обусловлено тем, что для эффективной организации предупреждения преступности необходим анализ как общих данных по России, так и криминологических особенностей субъектов. Среди них выделяется социально-экономическая обстановка в стране и регионе, состояние межнациональных, межконфессиональных отношений и наличие конфликтов на их почве, особенности деятельности правоохранительных органов и другие факторы.

В представленной статье изучены показатели преступности в таких субъектах Российской Федерации, как Волгоградская область и Республика Дагестан. Авторами с учетом национального состава рассматриваемых субъектов акцентировано внимание на влиянии религии и псевдорелигиозных деструктивных учений на уровень преступности в регионах. Отмечается, что классическая религия не способна провоцировать население к совершению преступлений. Ее цель, наоборот, — удержание верующих от противоправных поступков. Псевдорелигиозные же деструктивные учения часто пропагандируют девиантное агрессивное поведение, в связи с чем попадают под запрет во многих государствах мира.

Ключевые слова: преступность, социально-экономические показатели, региональные особенности, субъекты Федерации.

I. Kh. Kasayev, K. I. Bogomolova

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF REGIONAL CRIME (ON THE BASIS OF THE VOLGOGRAD REGION AND THE REPUBLIC OF DAGESTAN)

Analysis of regional crime in modern Russia is an important attribute of criminological research, because to effectively organize crime prevention it is necessary to analyze general data on Russia as well as criminological peculiarities of its constituent entities. It's possible to distinguish among them the socio-economic situation in the country and region, the state of interethnic and inter-confessional relations, the presence of conflicts resulting from them, peculiarities of law enforcement activity and other factors.

The given article provides analysis of crime indicators in such constituent entities of the Russian Federation as the Volgograd Region and the Republic of Dagestan. Taking into account ethnic diversity of the given entities the authors focus their attention on the influence of religious and pseudo-religious destructive studies on the crime level in the regions. As stated in the article, the classical religion is unable to incite the community to commission of crimes. On the contrary, its purpose is to deter believers from illegal actions. Pseudo-religious destructive studies often promote deviant aggressive behavior and therefore are banned in many countries of the world.

Key words: crime, socio-economic indicators, regional peculiarities, constituent entities of the Federation.

Преступность — это сложное негативное социально-правовое явление, изучаемое наукой криминологией, и, безусловно, являющееся актуальной проблемой не только для Российской Федерации, но и всего мира в целом. Эффективность предупреждения преступности зависит от качества проведенного криминологического исследования, а также от

того, удалось ли установить истинные детерминанты преступности, на которые впоследствии необходимо воздействовать.

Общая картина зарегистрированных преступлений в России в статистических показателях выглядит весьма оптимистично: за последние 5 лет с 2013 по 2017 гг. количество попавших в отчет уголовно-наказуемых деяний

сократилось на 6,7 % (см. табл. 1) [1].

Таблица 1

**Сведения о количестве преступлений,
зарегистрированных в России в период с 2013 по 2017 гг.**

	2013	2014	2015	2016	2017
Количество зарегистрированных преступлений в России	2 206 249	2 190 578	2 388 476	2 160 063	2 058 476
Динамика преступлений	–4,2 %	–1,8 %	8,6 %	–9,6 %	–4,7 %

Однако необходимо иметь в виду и то, что «большая часть преступлений, совершенных организованными преступниками, не только не раскрывается, но и не устанавливается и не регистрируется» [2, с. 541]. Следовательно, статистика преступности не является полной, она естественным образом искажена, поскольку наиболее организованная, законспирированная, коррумпированная часть преступных структур традиционно не попадает в поле зрения правоохранительных органов.

С учетом того что Россия — многонациональное и многоконфессиональное государство, у каждого региона имеются свои особенности, связанные с характером преступности и реагированием правоохранительных органов на совершаемые преступления, что в определенной степени позволяет говорить о «региональной криминологии» [3].

Процесс познания региональных различий преступности прошел путь от простого ее описания до раскрытия сущности явлений, входящих в предмет общей части науки криминологии — преступности, ее тенденций и закономерностей, личности преступника, причин и условий преступности [4], что в конечном итоге позволило сформировать определенные алгоритмы в превентивной работе [5]. Однако понимание особенностей каждого субъекта нашей страны позволило их дифференцировать в зависимости от «специфического» комплекса криминологических элементов, обуславливающих региональную преступность и ее конкретные показатели [6, с. 38].

Попробуем определить сходства и различия региональной преступности на примере таких субъектов Федерации, как Волгоградская область и Республика Дагестан (см. табл. 2).

Таблица 2

**Сведения о количестве преступлений,
зарегистрированных в Волгоградской области и Республике Дагестан с 2013 по 2017 гг.**

Количество зарегистрированных преступлений	2013	2014	2015	2016	2017
Волгоградская область	36 507	36 417	41 696	38 742	39 881
Динамика преступлений	–6,7 %	–0,2 %	14,5 %	–7,1 %	2,9 %
Республика Дагестан	14 003	13 817	15 130	15 810	14 608
Динамика преступлений	2,6 %	–1,3 %	9,5 %	4,5 %	–7,6 %

Количество проживающего населения в обоих субъектах примерно сопоставимо. По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации население Волгоградской области составляет 2 545,9 тыс. человек, из которых городское население — 1 951,8 тыс. человек; сельское — 594,1 тыс. человек. Национальная структура населения Волгоградской области (тыс.

человек): русские — 90,0; казаки — 0,7; казахи — 1,8; украинцы — 1,4; армяне — 1,1; татары — 0,9; азербайджанцы — 0,6; немцы — 0,4; чеченцы — 0,4; цыгане — 0,3; белорусы — 0,3; другие национальности — 2,8 [7, с. 263].

Население Республики Дагестан составляет 2 963,9 тыс. человек, из которых городское

население — 1 336,0 тыс. человек; сельское — 1 627,9 тыс. человек. Национальная структура населения Республики Дагестан (тыс. человек): аварцы — 29,4; дидойцы — 0,4; андийцы — 0,4; даргинцы — 17,0; кумыки — 14,9; лезгины — 13,3; лакцы — 5,6; азербайджанцы — 4,5; табасараны — 4,1; русские — 3,6; чеченцы — 3,2; ногайцы — 1,4; агулы — 1,0; рутульцы — 1,0; цахуры — 0,3; другие национальности — 0,7 [7, с. 268].

При этом коэффициент преступности в 2017 г. в Волгоградской области был равен 1 522 преступлениям, приходящимся на 100 000

проживающего в субъекте населения, в то время как в Республике Дагестан этот показатель был равен 524 преступлениям.

По данным официальной статистики в Волгоградской области наблюдается устойчивая тенденция роста преступности в отличие от Республики Дагестан, где, как и по всей России, идет снижение этих характеристик. При этом в Волгоградской области и абсолютные, и относительные показатели преступности превышают показатели преступности Республики Дагестан в несколько раз (см. диагр. 1).

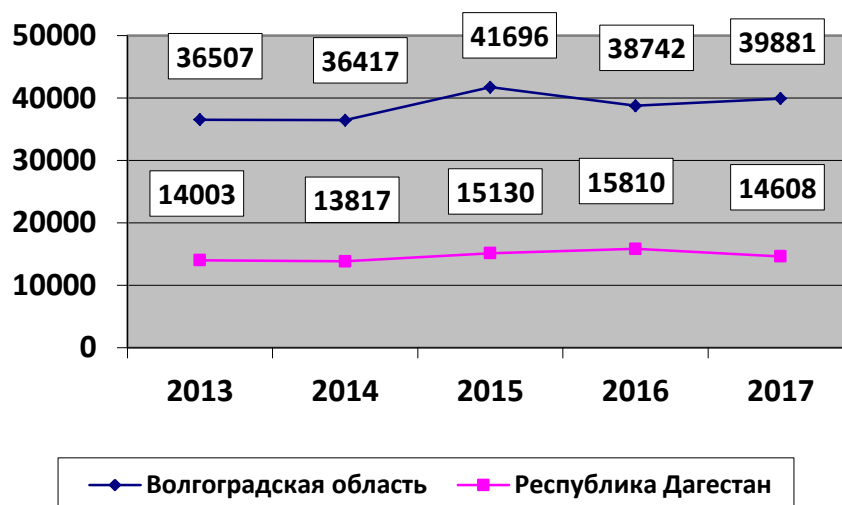


Диаграмма 1. Число зарегистрированных преступлений

Исследования региональных особенностей преступности неоднократно проводились в различных субъектах страны. Одним из их общих итогов стало подтверждение наличия связи социально-экономических условий жизни населения с преступностью [8].

Б. В. Коробейников, Н. А. Селиванов и К. Ф. Скворцов в своей работе еще в советское время сделали вывод о том, что уровень преступности

непосредственно зависит от увеличения (уменьшения) разрыва между потребностями населения и степенью их фактического удовлетворения [9]. В связи с этим определенный интерес вызывают основные социально-экономические показатели Волгоградской области и Республики Дагестан, касающиеся численности безработных и уровня безработицы (см. табл. 3) [10].

Таблица 3

Основные социально-экономические показатели Волгоградской области и Республики Дагестан

	2013	2014	2015	2016	2017
Волгоградская область					
Численность безработных, (тыс. человек)	89	87	95	88	70
Уровень безработицы	6,6	6,6	7,2	6,8	5,6
Республика Дагестан					
Численность безработных, (тыс. человек)	153	135	140	146	159
Уровень безработицы	11,6	10,2	10,8	10,9	11,7

Представленные цифры свидетельствуют о том, что по количеству безработных и уровню

безработицы Республика Дагестан лидирует по сравнению с Волгоградской областью, в 2 раза ее опережая в абсолютных показателях. Это обстоятельство доказывает, что данные официальной статистики регистрируемой преступности хоть и являются пока единственными показателями уровня пораженности общества, но они не всегда объективны [11, с. 52]. Согласно логике многочисленных исследований региональной преступности большая численность безработных и высокий уровень безработицы должны неизбежно приводить к большей криминализации населения. Однако, судя по цифрам, ситуация в исследуемых регионах прямо противоположная. Это связано с различными причинами, среди которых можно выделить национальный состав, конфессиональные особенности, разницу в социальном (демографическом), экономическом, историческом развитии регионов, последствия которого в разной степени воздействуют на преступность (ее состояние, структуру и динамику). Каждый из изучаемых нами субъектов Федерации характеризуется своим набором криминогенных факторов.

Исходя из подробного анализа показателей преступности Волгоградской области и Республики Дагестан, мы приходим к мнению о том, что в средних городах регионов уровень преступности выше, чем в областных центрах, в малых городах тяжкие преступления распространены больше, чем в сельской местности [12]. Так, из общего числа зарегистрированных в 2016 г. преступлений в городах и поселках городского типа Волгоградской области было совершено 30 228 преступлений, а в Республике Дагестан — 9 118. В то время как в сельской местности Волгоградской области было совершено 8 514 преступлений, а в Республике Дагестан — 6 692 [13].

Примечательным является и тот факт, что в структуре преступности Волгоградской области и Республики Дагестан присутствуют тяжкие и особо тяжкие преступления — 6 689 и 4 130 преступлений соответственно, что является весьма негативным показателем особенно для Республики Дагестан, с учетом общего количества зарегистрированных преступлений.

С учетом национального состава населения Волгоградской области и Республики Дагестан отдельного обсуждения заслуживают конфессиональные особенности, в определенной степени влияющие на преступность регионов. Общеизвестно, что любая классическая религия не способна провоцировать население на совершение преступлений. Наоборот, ее цель — удержание верующих от противоправных поступков. Псевдорелигиозные же деструктивные

учения часто пропагандируют девиантное агрессивное поведение, в связи с чем попадают под запрет во многих государствах мира. Однако и в христианстве (наиболее распространено в Волгоградской области), и в исламе (наиболее распространено в Республике Дагестан) имеются псевдорелигиозные деструктивные ответвления. Проанализируем их возможное влияние на состояние преступности в регионах.

Отношение к вере у россиян вне зависимости от религии сегодня неоднозначное. Более половины населения нашей страны (57 %) хотят жить в обществе, где религия не оказывает значимого влияния на жизнь большинства людей, а вера или неверие является частным делом каждого [14]. Однако большинство россиян при этом признают, что религия помогает им справиться с различными жизненными трудностями. Если для христианской Волгоградской области такие общероссийские суждения характерны в большей степени, то для мусульманской Республики Дагестан дело обстоит немного иначе. В данном регионе религия имеет большое значение для населения, а следование религиозным традициям носит обязательный характер. Это заметно даже внешне — по стилю одежды, в котором преимущественно соблюдаются каноны ислама.

Однако и в Волгоградской области, и в Республике Дагестан правоохранительные органы периодически фиксируют активность псевдорелигиозных деструктивных организаций, которые выдают себя за представителей традиционных религий, дискредитируя своей деятельностью их идеи. В Волгоградской области такой религиозной организацией признаны «свидетели Иеговы» (запрещена в России с 20 апреля 2017 г. как экстремистская) [15]. Ее вероучение имеет много общего с христианским, но отличается специфической трактовкой многих религиозных понятий, своеобразным представлением о справедливости, активным склонением своих последователей к отказу от выполнения гражданского долга (например, военной службы) и т. д. Схожая ситуация прослеживается и в Республике Дагестан, где представители другой организации под названием «Исламское государство» (запрещена в России с 29 декабря 2014 г. как террористическая) [16] предпринимают попытки развернуть свою деятельность. Несмотря на множество общих черт в деятельности этих структур, стоит отметить, что «свидетели Иеговы» у населения реже ассоциируются с представителями традиционной христианской религии, тогда как в сознании многих наших жителей, не являющихся мусульманами, деятельность организации «Исламское государство» практически неотделима от сферы

традиционного ислама. По большей части это обусловлено самим названием, в котором присутствует заведомо ложное, дискредитирующее указание на ислам. Нужно также отметить, что в сводках новостей в средствах массовой информации регулярно обсуждаются агрессивные формы деятельности «Исламского государства». Следствием этого является предвзятое отношение представителей других конфессий к мусульманам, которые ассоциируются у них с потенциальными террористами и подвергаются необоснованным гонениям.

Стоит подчеркнуть, что в исламе, как и в других традиционных религиях, нет принуждения к принятию веры и идеологии. Если нет принуждения, то нет и дискриминации других вероучений на основе религии, идеологии, мысли. Однако с учетом низкого уровня грамотности и культуры диалога в обществе разное восприятие и толкование норм ислама, вызванное этими факторами недопонимание, иногда приводит к столкновению интересов, ценностных систем, а также к конфликту и совершению тяжких и особо тяжких преступлений [17]. Полагаем, данную ситуацию в значительной степени провоцируют средства массовой информации, допускающие подмену понятий, называя откровенных преступников «исламистами», «исламскими лидерами», «исламскими террористами» и т. д., что влечет за собой определенный раскол и противоречия на религиозной почве, рост преступности по всем направлениям [18]. Нужно категорически пресекать все подобные инсинуации, в том числе со стороны информационных агентств. Иначе подобная ситуация будет и дальше угрожать и внешней, и внутренней безопасности российского государства.

Подводя итог нашему исследованию, отметим, что особенности проявления преступности в субъектах Российской Федерации пока недостаточно теоретически изучены и осмыслены. В связи с этим чрезвычайно важна детальная научная проработка данной проблемы для формирования эффективной превентивной стратегии, которая позволит в будущем свести к минимуму возможности нарушения закона как в конкретных регионах, так и в России в целом.

1. Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvd.ru/stats> (дата обращения: 23.01.2018).
2. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005.
3. Кондратюк Л. В. Криминологические проблемы, вытекающие из региональных различий преступности // Изучение территориальных особенностей насильственной преступности. М., 1983.
4. Алексеева А. П. Криминология. Общая часть: учеб.-метод. пособие. Волгоград, 2007.
5. Алексеева А. П. Криминология. Особенная часть: учеб.-метод. пособие. Волгоград, 2007.
6. Горяинов К. К., Силаев А. И. Криминологическая обстановка и ее региональные особенности: учеб. пособие. М., 1985.
7. Регионы России Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2016: статистич. сб. М., 2016.
8. Влияние социальных условий на территориальные различия в преступности: сб. статей. М., 1977.
9. Коробейников Б. В., Селиванов Н. А., Скворцов К. Ф. Изучение факторов, влияющих на изменения уровня и структуры преступности // Советское государство и право. 1981. № 1.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: статистич. сб. М., 2017.
11. Богомолова К. И. Преступность, связанная с иностранцами: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
12. Овчинский С. С., Царев А. И. Преступность в средних и малых городах и деятельность органов внутренних дел по ее предупреждению. М., 1977.
13. Преступность и правонарушения (2013—2017): стат. сб. М. 2018.
14. Церковь и общество: вместе или порознь? URL: <https://wciom.ru> (дата обращения: 19.01.2018).

15. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2017 г. № АКПИ17-238. URL: <http://legalacts.ru> (дата обращения 10.02.2018).
16. Решение Верховного Суда РФ от 29 декабря 2014 г. № АКПИ14-1424С. URL: <http://nac.gov.ru> (дата обращения 10.02.2018).
17. Маликов К. Стабильность в Кыргызстане сегодня определяет человеческий фактор. URL: <http://scienceport.ru> (дата обращения: 19.01.2018).
18. Касаев И. Х., Байсуркеева Л. Х. Религиозный феномен преступности в современной России и ее предупреждение // Актуальные проблемы уголовного

1. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <http://www.mvd.ru/stats>. (date of circulation: January 23, 2013).
2. Luneev V. V. Criminality of the 20th century: global, regional and Russian trends. Ed. 2nd, revised and additional. M., 2005.
3. Kondratyuk L. V. Criminological problems stemming from regional differences in crime // Studying the territorial characteristics of violent crime. M., 1983.
4. Alekseeva A. P. Criminology. The general part: the educational-methodical grant. Volgograd, 2007.
5. Alekseeva A. P. Criminology. The special part: the educational-methodical manual. Volgograd, 2007.
6. Goryainov K. K., Silaev A. I. Criminological situation and its regional features: proc. allowance. M., 1985.
7. Regions of Russia. The main characteristics of the subjects of the Russian Federation. 2016: stat. collection. M., 2016.
8. The influence of social conditions on territorial differences in crime: sat. articles. M., 1977.
9. Korobeinikov B. V., Selivanov N. A., Skvortsov K. F. Investigation of factors affecting the level and structure of crime. Soviet state and law. 1981. No. 1.
10. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2017: stat. collection. M., 2017.
11. Bogomolova K. I. Criminality related to foreigners: dis. ... cand. jurid. sciences. Saratov, 2011.
12. Ovchinsky S. S., Tsarev A. I. Criminality in medium and small towns and the activities of law enforcement agencies to prevent it. M., 1977.
13. Crime and offenses (2013—2017): stat. collection. M. 2018.
14. Church and society: together or separately? URL: <https://wciom.ru> (date of circulation: 01.19.2018).

15. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of April 20, 2017. No АКПИ17-238. URL: <http://legalacts.ru> (circulation date 10.02.2018).
16. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation on December 29, 2014. No АКПИ14-1424S. URL: <http://nac.gov.ru> (circulation date 10.02.2018).
17. Malikov K. Stability in Kyrgyzstan today is determined by the human factor. URL: <http://scienceport.ru> (date of circulation: 01.19.2018).
18. Kasaev I. Kh., Baysurkeeva L. Kh. Religious phenomenon of crime in modern Russia and its prevention / / Actual problems of criminal law at the present stage: a collection of scientific.

законодательства на современном этапе: сб.
науч. трудов междунар. науч.-практ. конф.
Волгоград, 2017. С. 256—260.

© Касаев И. Х., Богомолова К. И., 2018

tr. international scientific-practical. Conf.
Volgograd, 2017. Pp. 256—260.

© Kasaev I. Kh., Bogomolova K. I., 2018